

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Р.А. МИРУМЯН

Политика и обусловленные ею процессы стали контекстом социального бытия современного человечества, что вызвало настоятельную потребность в адекватном знании о них. В данной ситуации весьма закономерно выдвигание политической науки в ранг одной из значимых академических дисциплин гуманитарного блока научного знания, призванных ответить на кардинальные вопросы современности, напрямую связанные с перспективой выживания человечества. Сегодня политическая наука должна быть ориентирована на разрешение вопросов о том, каково будущее политики и, следовательно, какова роль личности в современном обществе, а через это и какое будущее выстраивается для человечества в целом. Но готова ли политическая наука должным образом ответить на подобный вызов эпохи?

Уже при самом общем взгляде на считающуюся авангардом современной политической мысли западную политическую науку становится очевидным тот факт, что она все ещё не сложилась в некое единое целое. Понятие «политическая наука» страдает неопределенностью смыслового содержания, что объясняется отсутствием в ней чёткой структурированности, аморфностью теоретико-методологических оснований и зыбкостью границ предметного поля. И это несмотря на то, что весь предыдущий – XX век был веком формирования и интенсивного взаимодействия различных исследовательских школ и направлений политической мысли, вызвавших к жизни ряд интересных концепций, которые не только стали предметом изучения исследователей (как западных, так и российских), но и оказали большое влияние на программы современных политических партий, а их авторы (Дж. Роулз, Ю. Хабермас и другие) стали консультантами некоторых политических деятелей. Что касается российской политической науки, то она находится на стадии своего институционального закрепления и формирования поля для интегрирования в мировую (западную) политическую науку. Очевидно, что политическая наука как в западном, так и в российском своих вариантах нуждается в совершенствовании, одним из важнейших условий достижения чего является определение (или восстановление) статуса политической философии в системе современного политического знания. Обоснованием данного тезиса может послужить идейно-политическая панорама современной эпохи.

В подготовленном в 1982г. «Долгосрочном плане ЮНЕСКО » на период с 1984 по 1989 годы с целью выделения мировых проблем (голод, различные виды неравенства, загрязнение окружающей среды, гонка вооружений, развитие, мир и т.д.) было отмечено следующее: огромное количество исследований о современном состоянии и перспективах развития человечества, разнородность использованных в них методов анализа и игнорирование духовно-нравственных ценностей не только не способствовали, но и реально осложнили объективное восприятие и оценку международной ситуации, что свидетельствует о необходимости рассмотрения мировых проблем прежде всего на уровне философской рефлексии. Проблема видится в том, что обусловившие практику II половины XX века идеи вызвали к жизни неожиданные для мирового сообщества последствия главным образом потому, что они не были достаточно глубоко проанализированы с философской точки зрения.

Между тем имеющая ярко выраженное политическое содержание проблематика современности для своего осмысления и развития требует именно философского подхода. Так, стоящая на повестке дня человечества проблема распространения демократии включает в себе ряд аспектов, адекватный анализ которых возможен лишь с помощью философской рефлексии.

1. На родине современной демократии – в Великобритании и США – она возникла для «потребления» расово, этнически, конфессионально и социально гомогенных групп, составляющих абсолютное меньшинство населения. Только через весьма большой промежуток времени демократические принципы были распространены на всех граждан указанных стран. Данное обстоятельство порождает ряд вопросов, которые не актуальны и ответы на которые невозможны с точки зрения «позитивной» науки: а) чем обернётся осуществляемое сегодня механическое перенесение политических форм, достигших своего современного состояния в процессе длительного развития на глобализирующийся мир, в одном временном модусе совмещающий находящиеся на различных ступенях культурно-исторического развития народы; б) как скажется подобное совмещение на этнокультурном и этнонациональном разнообразии в мире; в) уложимо ли это многообразие в известные демократические институты; г) насколько целесообразна подобная «укладка» с точки зрения перспективы выживания человечества.

2. Заслуживает внимания тот факт, что между идейными основаниями советской «политической науки» и концептуальными установками современной теории демократии несложно провести определённую параллель. Советская «политическая наука» хотя и признавала разнообразие современных политических систем, однако сводила это разнообразие к притивопоставлению двух – буржуазной и социалистической – систем. С конца 50-ых годов советский политологический дискурс стал исходить из идеи «соревнования», воспринимаемого как борьба капитализма и социализма. Несколько позднее появилась концепция развитого социализма, которая основывалась на представлении о наличии развивающихся социалистических стран, образцом для которых был СССР. В современной теории демократии наблюдается некоторое смещение акцентов. Идея борьбы с тоталитарным режимом сменилась идеей «соревнования», между тем активно использующийся в недавнем прошлом дискурс «борьбы» сегодня применяется лишь в отношении терроризма. Кроме того, политический лексикон расширился вследствие появившейся тенденции деления стран на страны «развитой» и «развивающейся» демократии, фактически отражающего соотношение современных политических акторов. «Лидерство» и «развитие» представляется в качестве образца политического устройства, не нуждающегося в дальнейшем развитии. К странам же «развивающейся» демократии причисляются «новомобилизованные» страны. Идея развитого социализма оказалась чреватой геополитическим взрывом на известном пространстве мира. Какова перспектива концепции развитой демократии: обеспечение исторического будущего лишь для избранных народов, глобальный крах или глобальное процветание?

Очевидно, что сама идея глобализации (очередная в истории человечества) предполагает рассмотрение истории как некоего целостного процесса, что делает невозможным ранжирование исторических периодов. При таком подходе перспектива исторического развития должна определяться через осмысление её направленности, цели и смысла, что, в свою очередь, станет основой восприятия истории и политики в качестве двуединого духовного процесса (что, собственно, и являлось одной из методологических установок классической философии истории, включавшей в себя и политическую философию). В результате политическая наука и политическая практика могут отказаться от неоправдывающей себя тенденции ограничения всего социокультурного разнообразия жизни границами выдвигаемой теории, которая в данном случае будет рассматриваться всего лишь как апробируемая гипотеза, пусть даже и весьма привлекательная.

3. Специфической особенностью современной политической ситуации является нивелирование границ внутренней и внешней политик, что объяснимо появлением и постепенным углублением авторитарных тенденций в международных отношениях. Это обстоятельство весьма усложняет утверждение демократии в границах отдельных стран, что вызывает необходимость уточнения перспективы развития международных отношений: будут ли обеспечены условия для распространения принципов демократии в международных отношениях, или, наоборот, принцип авторитаризма станет основой осуществления внутренних политик.

4. Актуальный для человечества переход к новому цивилизационному витку обусловлен формированием новых ценностей, осуществляемым на основе переосмысления системы ценностей техногенной культуры, в том числе и в политико-правовом сознании. Общеизвестно, что одна из величайших достижений техногенной культуры – современная демократия – является весьма эффективным средством управления сложными социальными системами вследствие обеспечиваемых ею обратных связей. Однако вследствие ускорения социальной жизни выявляются и обостряются особенно дефекты демократии. Так, к примеру, сегодня власть всё более явственно ориентируется на решение тактических, а не стратегических задач, в результате чего чувство ответственности за настоящее и будущее поколения, страны и человечества сменяется стремлением победить на очередных выборах. «Побочным эффектом» этого стремления является использование новых технологий с целью программирования массового сознания. Последнее сводится к различным формам информационного насилия, квалифицируемого как свободный выбор личности. Тем самым ставится под сомнение фундаментальная идея демократии – идея прав человека. Процесс глобализации постоянно порождает новые плоскости в проблематике прав человека и, в первую очередь, проблему защиты личности от информационного насилия. Кроме того, политические реалии современности таковы, что всё острее становится потребность в осмыслении проблемы соотношения идеи прав человека и идеи прав народов. Объясняется это тем, что под прикрытием идеи прав человека в разных странах мира совершаются военные акции, сопровождаемые гуманитарными катастрофами. Создание биотехнологий, в свою очередь, породило возможность манипулирования биологической основой человеческой жизнедеятельности, что выявляет ещё один аспект идеи прав человека. Последняя изначально

была определена как идея естественных прав, по существу, предполагающая некий инвариант человеческой природы, единый у всех людей планеты.

Порождаемая эрой информационной цивилизации проблематика особо нуждается в определении перспективы существования и выживания человечества ещё и по той причине, что в информационном обществе доминирующую роль начинает играть культура. «Если жизнь информационного общества определяется производством и использованием информации, то культура, то есть сфера информационно-семиотической деятельности, становится основой жизни этого общества. Совершенно не оправданно представление, что состояние культуры лишь “отражает” условия общественной жизни и что культурные достижения лишь “отвечают” объективным потребностям общественного развития. В идущем сейчас процессе становления информационного общества новации в культуре всё больше определяют характер изменений в обществе»¹.

Вполне очевидно, что человечество должно взять на себя ответственность за выбор наиболее оптимального направления развития культуры. Первичным условием реализации подобного выбора является выявление новых мировоззренческих ориентиров, формирующихся в научном, художественном, нравственном, политико-правовом сознании эпохи. Такой анализ может быть проведён лишь на уровне философской рефлексии и причиной тому является сама природа философского знания.

Философия – высшая форма самосознания культуры, рефлексия над её предельными основаниями, то есть система мировоззренческих универсалий или базисных ценностей культуры. Последняя представляет собой некую программу (модель) социальной жизни, тем самым обуславливая воспроизводство и смену определённого типа общества. Данная способность философии и является предпосылкой её двуединой природы. Философия представляет собой критику (отрицание) наличного бытия (в интересующем меня случае – определённого политического устройства) и вместе с тем утверждение некоей интеллектуально-духовной перспективы (конструирование идеала политического устройства). В этом, собственно, и заключается одна из важнейших цивилизационных функций философии².

Уже в античной Греции одним из важных предметов зарождающейся философии становится политика (её природа, основания, принципы, формы правления и важнейшие институты). В границах осмысления политического бытия древнего грека философия выступает и как построение определённого идеала политического устройства. Платонова философия, к примеру, является попыткой осмысления политических реалий древнегреческого полиса и определения путей и средств их трансформации. В рамках античной философии философия Платона представляет собой достаточно полно разработанную социальную концепцию, порождённую спецификой жизненного пространства древнего грека и духовно-нравственными потребностями античной эпохи³.

Потребность в философской рефлексии над политическими реалиями носит вневременной характер. Между философией и политикой существует генетическая связь, имеющая две плоскости: умозрительно-рефлексивную и ценностно-нормативную. Специфика философского мышления такова, что оно направлено на осмысление основ человеческого общежития и необходимых для его осуществления институтов, проблем бытия человека, в том числе и его бытия в пространстве политики, принципов жизни индивида и системообразующих принципов человеческого сообщества. Философия каждой культурной эпохи (Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время, Современность) представляет собой особый стиль и способ методологической рефлексии над миром политического. Как форма осмысления мира политики философия, по существу, является способом самоопределения политики в культуре, критического анализа политики и трансформации ее оснований⁴.

Вместе с тем в самой природе политики, как и других видов культуротворчества (науки, религии, искусства), заложена потребность в культурной «легитимизации», обеспечиваемой в плоскости философского мышления. Философия есть единственный и потому, собственно, вечно востребованный способ вписывания известных форм культуротворчества, в том числе и политики, в систему культуры, а именно: определения места, роли и значения политики в системе культуры, интеграции политики с различными сферами культуры и обеспечения связи между ними и политикой. Исполняя в отношении политики отмеченные функции, философия и выступает как политическая философия.

В свете вышеизложенного кажутся неприемлемыми фигурирующие в современной политической науке и на сегодняшний день еще не вполне преодоленные две точки зрения. Согласно первой из них историю политической философии правомерно начинать с Нового времени. Согласно второй проблематично само существование политической философии в системе современного политического знания. На первый взгляд кажущиеся автономными эти точки зрения не только взаимосвязаны, но и обуславливают и дополняют друг друга. Более

того: вторая из указанных точек зрения, по существу, является логическим продолжением и завершением первой.

Из приверженцев первой точки зрения можно назвать, в частности, К. Гаджиева. Определяя политическую философию как рефлексию над политическим бытием, он утверждает, что она могла возникнуть при наличии определенных условий, сложившихся лишь в Новое время, как-то: формирование и утверждение самого мира политического, понятия политического в самом широком и глубинном его значении и понятий второго порядка – государство, власть, право, свобода и т. д.⁵. Исходя из этого, период от античности до XVII в. включительно Гаджиев называет предысторией политической философии (как и политической науки в целом), значение которой он наблюдает в накоплении и трансмиссии от поколения к поколению политического и политико-философского знания. Данный подход позволяет ему квалифицировать как неправомерную точку зрения некоторых современных исследователей, считающих возможным применительно к античному времени говорить о политической философии и политической науке как о вполне сложившихся самостоятельных научных дисциплинах⁶. Свою позицию Гаджиев объясняет отсутствием единой непрерывной традиции политической философии от античного периода до наших дней. Он называет ряд произошедших в политико-правовом сознании Нового времени качественных на его взгляд изменений, способствовавших формированию политической философии: утверждение идеи личности с особыми неотъемлемыми правами и свободами; осознание факта существования противоречий и конфликтов между обществом и государством; вызревание институтов, ценностей и идей гражданского общества. Вследствие этих изменений мир политического вычленился в качестве самостоятельной подсистемы человеческого социума, что явилось важнейшей предпосылкой возникновения политической философии.

Обращаясь к вопросу о времени появления самого понятия «политическая философия», Гаджиев рассуждает следующим образом. Античные мыслители затрагивали проблемы политической философии, специально не оговаривая данное обстоятельство. Исключение в этом смысле составляет Аристотель, который, однако, использовал это понятие весьма редко. К тому же русский перевод многих понятий античной мысли не всегда адекватно передает их первоначальный смысл. Понятие, утверждает К. Гаджиев, «не может быть отделено от феномена, выражаемого им, и установление времени его происхождения и эволюции зачастую служит ориентиром для установления примерного времени возникновения и соответствующего феномена... Соответственно каждое конкретное понятие, призванное обозначить ту или иную научную дисциплину, может возникать лишь по мере формирования и институционализации этой дисциплины, а никак не раньше. Тем более понятия, возникшие в наше время, никак нельзя использовать для обозначения дисциплин, существовавших в прошлом, множество веков или более двух тысячелетий назад»⁷.

Суть концепции Гаджиева сводится к следующему. Политическая философия возникла на определённом этапе исторического развития общественно-политической мысли. Главной предпосылкой её формирования и утверждения явилось расчленение гражданского общества и мира политического на самостоятельные подсистемы человеческого социума. Она явилась результатом длительного процесса отпочкования от общей философии социальных и гуманитарных наук, их дальнейшей диверсификации⁸. Данная концепция не выдерживает критики ни в общем, ни в отдельных своих аспектах.

В своих рассуждениях Гаджиев отправляется от теории «распочкования», возникшей на основе формирования вопроса о взаимоотношении всеобщего и частного знания и вследствие выявления недостаточности натурфилософских построений Нового времени. Основы этой теории были заложены в XVIII в., но своё окончательное оформление она получила в XIX в. в работах основателя позитивизма О. Конта. Осознав действительный кризис натурфилософии и рост частнонаучного знания, Конт предположил, что в результате формирования частных наук, постоянно сужающих рамки философии, «предмет» философии должен «распочковаться». По его мысли, философия должна быть растворена в позитивном знании и выступать как учение о науке вообще и о методах частных наук, тем самым не выходя за границы совокупного научного знания.

Теория «распочкования» имеет определённый смысл, если исходить из наиболее распространённого в науке и обыденном сознании того времени «староантичного» понимания философии как научного знания вообще – протознания, пранауки, преднауки. Соответственно такому пониманию философии Аристотель подразделял последнюю на теоретическую (математика, физика, метафизика), практическую (этика, экономика, политика), изобразительную (поэтика, риторика, искусство). В эпоху средневековья подобное восприятие философии сохраняется не только в европейской, но и в армянской культурной традиции⁹. Отдельные науки выделились (начиная с XVв.) именно из протознания, в

известное время получившего название «философия». Но история философии даёт возможность выявления ещё одного понимания философии – как учения о всеобщем (теоретическом), ведущего своё начало от Аристотеля. В рамках философии (как протознания) Аристотель выделил в отдельную дисциплину «первую философию», предметом которой назвал всеобщие основания бытия: «... имеются три умозрительных (теоретических – Р.М.) учения: математика, учение о природе, учение о божественном...умозрительные науки предпочтительнее всех остальных, а учение о божественном предпочтительнее других умозрительных наук. В самом деле, мог бы возникнуть вопрос, занимается ли первая философия общим или каким-нибудь одним родом [сущего], т.е. какой-нибудь одной сущностью (physis): ведь неодинаково обстоит дело и в математических науках: геометрия и учение о небесных светилах занимаются каждая определённой сущностью [physis], а общая математика простирается на всё. Если нет какой-либо другой сущности (oysia), кроме созданных природой, то первым учением было бы учение о природе. Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она перее и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее [знание] в том смысле что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково всё присущее ему как сущему»¹⁰. Тем самым античный мыслитель обозначил проблему «философия – наука», которая, став актуальной во все последующие культурные эпохи, продолжает оставаться таковой и в современную эпоху. Если решение поставленной им проблемы Аристотель свёл к установлению определённой иерархии между «первой философией» и частными науками, то в дальнейшем намеченная им линия была подведена к разграничению и противопоставлению науки о всеобщем наукам о «единичностях» (И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель).

Понимание философии как теории всеобщего распространено и в наше время¹¹. Что касается учения Конта, то её правомерно охарактеризовать как очередную в истории западного мышления версию проблемы «философия – наука». Тем более, что она фактически относится лишь к одной стороне философии – научной. А последняя является не единственной ипостасью философии. Примечателен тот факт, что Гаджиев, изменяя логике собственных рассуждений, так определяет политическую философию: «... мир политического имеет много измерений – социально-экономическое, структурное, функциональное, социокультурное, профессиональное, историческое, концептуальное и т.д.... В качестве объединяющего их начала выступает мировоззренческое измерение, центральным элементом которого выступает политическая философия»¹².

С другой стороны, позиция Гаджиева является отражением господствующей в современной политической науке, как и в современных общественных науках вообще, тенденции отказа от тех способов объяснения, которые выходят за рамки методологических установок позитивистской науки. Последняя не только выступает критерием и образцом научного познания, но и олицетворяется с научным познанием вообще. Подобная методологическая экспансия не только не способствует обеспечению фундаментальности исследования, но и лишает её смысла и ценности. Ведь фундаментальность исследования необходимым образом предполагает осмысление различных концепций политики как минимум в границах западного мышления не только в синхронном, но и в диахронном планах. Особый акцент при этом требуется ставить на концепциях прошлого, поскольку содержащийся в них смысл продолжает оставаться актуальным, тем самым создавая возможность для диалогов и дискуссий между их авторами и современными исследователями. Результатом подобной связи может явиться образование некоего вневременного смыслового пространства, содержащего достаточно длинный ряд концепций, авторы которых будут выступать равноправными участниками дискурса.

Однако с позитивистской точки зрения концепции прошлого представляют лишь исторический интерес. Подлинное познание не может основываться на исследовании концепций прошлого, а, наоборот, должно быть построено по образцу современных наук о природе. «Достижения великих мыслителей переосмысливаются в соответствии с критериями или способами объяснения, совершенно им чуждыми. О них судят либо в соответствии с тем местом, которое им отводят в предыстории науки (например, чем меньше внимания они уделяют Благу, тем больше они к истинному методу, и в этом смысле Макиавелли сделал гораздо больше, чем Платон), либо их интерпретируют с исторической или социологической точки зрения, считающейся исключительной: всякое произведение выражает лишь дух своей эпохи или логику интересов, ни один мыслитель не способен преодолеть своё время или своё социальное положение, не существует ни универсального разума, ни вневременного суждения»¹³. Думается, что именно подобное отношение к интеллектуально-духовному наследию прошлого позволило Гаджиеву считать прерогативой Нового времени широкий

комплекс идей и принципов, явившихся, как полагает он, необходимым основанием для возникновения политической философии¹⁴.

Подобная направленность мысли по меньшей мере страдает методологической некорректностью. Вероятнее всего речь здесь может идти о том, что в специфических для Нового времени условиях характеристика мира политического, а также смысловое содержание отмеченных Гаджиевым понятий, идей и принципов претерпели определённую, пусть даже весьма радикальную, трансформацию сообразно духу и потребностям данной эпохи.

Ведь само слово «политика» и производные от него понятия, в том числе и понятие «политическое» произошли от греческого слова «полис», означающего особую форму античного города-государства, представляющего собой пространство социального и политического бытия древнего грека. Кроме того, значительная часть фундаментальных для политики, политической философии и политической науки понятий, идей и принципов возникли еще на заре древнегреческой цивилизации. Еще с самого начала своего развития древнегреческая цивилизация предполагает достаточно развитую политическую жизнь и политические формы. В рамках жизнедеятельности древнего грека пространство политики было весьма обширным, что является свидетельством исключительной важности для него политических процессов и отношений. Греческая цивилизованность вообще предполагает интенсивную политическую жизнь значительной части населения полиса, гражданин которого выступает в различных политических качествах.

Из политических достижений и ценностей древнегреческой цивилизации наиболее значительными можно назвать следующие: а) возникновение интенсивной гражданской, государственной жизни, основанной на объединении разнообразных хозяйственных, культурных и собственно политических дел, интересов и функций; б) появление новых политико-правовых институтов, в том числе и демократических, то есть работающих на принципах выборности, добровольности, соблюдения общественного долга, деятельность которых вылилась в единую структурированную систему законодательной, совещательной и исполнительной власти; в) утверждение различных форм государственного устройства и политики (консервативно-аристократические и новаторско-демократические полисы); г) формирование, выявление в острых политических и философских дискуссиях и относительно единые для греков, и разбедняющие разные полисы политико-правовые ценности и идеи; д) выявление и столкновение частных, в том числе и частнособственных интересов граждан, формирование и борьба социальных групп и их «партий»; е) превращение политики не только в сферу столкновения различных интересов, но и в сферу пусть относительного согласования во имя выживания общества, государства как целого; ж) усовершенствование в сфере регулирования отношений между народами – в межполисной внутри греческой политике и в общении с другими народами.

Но важность политического «эксперимента» греков заключается прежде всего в том, и это наиболее значимо в контексте рассмотрения концепции Гаджиева, что ими было выработано «само понятие о правах и обязанностях человека, о неприкосновенности для других «частной», «личной» жизни и свободы, включающей право частной собственности (прежде всего право на земельное владение, куплю-продажу земельного участка), право на свободно выбираемый образ жизни, на формирование и выражение собственных взглядов... политика в Древней Греции и, по существу, впервые в истории, не только открыла, но и реализовала возможности отстаивания совокупных индивидуальных прав и возникновения государственно-правовых, идейно-нравственных гарантий. Философское их обоснование быстро приобрело огромное социокультурное значение»¹⁵. Весьма привлекательна еще одна черта политической жизни Древней Греции, а именно: наличие множества частных, неофициальных, добровольных (в современной терминологии – «неформальных») объединений граждан. По замечанию Ю.Б. Устиновой, трудно назвать страну и эпоху, где «активность частных ассоциаций была бы выше, чем в Древней Греции. Это объясняется характерной для Древней Греции тесной связью между корпорациями и гражданской общиной – полисом. Еще Аристотель, перечисляя разнообразные корпорации в Греции, от родовых и культовых объединений до увеселительных клубов и товариществ для оказания взаимного кредита, обращал внимание на то, что «все сообщества являются частями гражданского целого»¹⁶.

Не менее спорной является позиция Гаджиева и по вопросу о времени происхождения самого понятия «политическая философия». Постулируя принцип, согласно которому понятие не может быть отделено от феномена, выражаемого им, и, следовательно, обозначающее некую научную дисциплину понятие может возникнуть лишь по формировании этой дисциплины, Гаджиев выводит из этого, на мой взгляд, весьма справедливого принципа неправомерный вывод о том, что понятие «политическая философия» является продуктом Нового времени и что одним из первых его применил И. Гердер¹⁷. По представлению Гаджиева, именно с этого

момента и начинается, собственно, история политической философии. Не думая оспаривать у Гердера право первенства в применении понятия «политическая философия» в рамках Нового времени, хочу, однако, подчеркнуть, и это признает сам Гаджиев, что понятие «политическая философия» используется еще Аристотелем: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественно цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе. По общему представлению, справедливость есть некое равенство: это положение до известной степени согласно с теми философскими рассуждениями, в которых разобраны этические вопросы. Утверждают, что справедливость есть нечто имеющее отношение к личности и что равные должны иметь равное. Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем — неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии»¹⁸. Приведённый мною тезис Аристотеля дает основание считать понятие «политическая философия» прерогативой античности, а Аристотеля — первым, кто ввел это понятие в научный оборот.

Если же находить из характерного для античности понимания философии как науки, знания в целом (*episteme*), то можно сделать утверждение о том, что политическая философия (в терминологии Аристотеля — нередко и наука политики), будучи частью практической философии, была ориентирована на выявление общих принципов нравственно-политической деятельности, осмысление сущности общественных отношений и назначения гражданина полиса, определении нравственных и правовых норм и основанной на них цели общественной (государственной) жизни и т.д. «Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок (*praxis*) и сознательный выбор, как принято считать, стремится к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится... Разве познание его (наивысшего блага — Р.А.) не имеет огромного влияния на образ жизни? И словно стрелки, видя мишень перед собою, разве не вернее постигнем мы должного? А если так, надо попытаться хотя бы в общих чертах представить себе, что это такое и к какой из наук, или какому из умений имеет отношение. Надо, видимо, признать, что оно, [высшее благо], относится к ведению важнейшей [науки, т.е. науки], которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве, [или политика]»¹⁹.

Намеченная в античности тенденция осмысления науки о политике продолжает свое существование и в эпоху средневековья. С середины XIII века на основе схоластики возникает ученая дисциплина, получившая, как и в античности, различные названия: «политическое искусство» (*ars politica* — Альберт Великий), «политическая наука» (*scientia politica* — Фома Аквинский), «политическое учение» (*doctrina politica* — Лауро Гвирини), «божественная гражданская наука» (*sanctissima civilis scientia* — Себастьян Брант). После ряда трансформаций эта дисциплина превращается в современную науку о политике.

Вопрос о времени появления понятия «политическая философия» можно рассмотреть и в другом аспекте. По мнению Гаджиева, в разработке основополагающих постулатов политической философии сыграла целая плеяда ученых, философов и мыслителей Нового времени, среди которых особое место по праву принадлежит Канту и Гегелю. В своих работах Гегель нигде не использует понятие «политическая философия». Свой фундаментальный труд, посвящённый материям, покрываемым этим понятием, он назвал «Философия права». Начиная с Т. Гоббса, в работах английских авторов утверждаются понятия «моральная философия», «философия государства», «правление закона» (*rule of law*). Эквивалентом последних в Германии служило понятие «философия права», широко используемое теоретиком исторической школы права Г. Гроцием. Но во введении к своей работе «Политическая философия» Гаджиев отказывает Аристотелю в праве использования понятия «политическая философия» только на том основании, что последний использовал это понятие весьма редко. Кроме того, Гаджиев упрекал античных мыслителей в том, что они, затрагивая проблемы политической философии, не считали нужным специально оговаривать это.

С другой стороны, использование Гегелем понятия «философия права» вместо понятия «политическая философия» Гаджиев оправдывает тем, что формирование права и правового начала имели ключевое значение для радикальной трансформации самого мира политического в современном смысле этого слова²⁰. Но подобная логика рассуждений необходимым образом предполагает признание за Сократом права использования понятия «политическое искусство» (Платон: «Горгий»), за Аристотелем — право определения своего учения о добродетели как «разновидности политической науки» (Аристотель: «Никомахова этика», «Риторика»), а за древнегреческими мыслителями вообще — право на формирование и утверждение тех идей и принципов, которые, как уже было отмечено выше, сыграли определённую роль в радикальной трансформации оснований политической жизни древнего грека.

В данной плоскости немаловажным является и тот факт, что «Философию права» Гегеля Гаджиев называет не только философией права и философией свободы, но и политической философией. Основанием для подобной характеристики работы Гегеля Гаджиев видит в том, что «автор «Философии права» излагает свое понимание принципов формирования и функционирования мира политического, политической организации общества. Важнейшие проблемы добра и зла, права и закона, семьи, собственности, гражданского общества и т.д. рассматриваются в их соотнесенности с государством»²¹. Но в таком случае политической философией можно назвать «Государство» и «Законы» Платона, «Никомахову этику», «Политику» и «Афинскую политику» Аристотеля, а также достаточно длинный список работ авторов Средневековья и эпохи Возрождения.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что политическая философия имеет многовековую историю, в которой в свете концепции Гаджиева можно выделить два больших периода: классический (от эпохи античности до Нового времени) и современный. Что касается самой концепции Гаджиева, то в целом ее можно охарактеризовать как эклектическую, непоследовательную и внутренне противоречивую.

Причина видится в том, что у Гаджиева наблюдается неоднозначное отношение к методологическим установкам позитивистской науки. Очевидно, что выказывая нейтральное, в определённом смысле даже критическое отношение к позитивизму, Гаджиев выстраивает ряд основополагающих для его концепции принципов и идей, коррелирующих именно с методологией позитивизма. Но проблема не ограничивается склонностью Гаджиева к тем или иным принципам позитивистской методологии. Суть проблемы заключается в том, что позитивистская парадигма не просто проблематизирует существование политической философии в системе современного знания. Доведённая до своего логического конца, она попросту исключает не только необходимость, но и саму возможность существования политической философии на современном этапе развития политического знания. Между тем Гаджиев не только встраивает политическую философию в систему современного политического знания, но и обосновывает необходимость политической философии на современном этапе развития политической науки. Позиция Гаджиева представляет собой типичную для позитивистов ситуацию несоответствия между тем, что утверждается, и тем, что делается. «Дискурсивная деятельность разоблачает эксплицитный дискурс»²².

Однако, для самоопределения политической философии в системе современного политического знания необходимо преодолеть ряд действующих в нём факторов, наиболее значимыми из которых являются следующие.

1. Ценностно-нейтральные претензии современной политической науки, как и современной науки вообще.

2. Фрагментация политического знания, создающая видимость самодостаточности «позитивного» научного знания, поддерживаемая его рыночной востребованностью. Данный процесс является результатом дифференциации современного знания вообще, в свою очередь отражающая дифференциацию сфер и модальностей современной жизни.

3. Стремление к деидеологизации форм общественного сознания.

4. Попытка отказа от утопического мышления.

Перечисленные факторы являются следствием тенденции отказа от философского мышления, начало которой было положено Контом и фактически не преодоленной и в наши дни, хотя «официально» о кризисе позитивизма было «объявлено» ещё в начале 60-х годов прошлого века. Отмеченная тенденция развивалась одновременно в двух направлениях.

Сформировавшиеся в XIX в. по образцу естественных наук новые социальные науки в течение XX в. заняли господствующее положение в тех областях знания, которые традиционно принадлежали философии. Использование арсенала современной науки при исследовании собственно политических реалий было осуществлено несколько позднее, и этому процессу мешала многовековая философская традиция. О сложности процесса перехода к нефилософской политической науке может свидетельствовать хотя бы то, что трижды за прошедшее столетие менялось отношение к политической философии. На рубеже двух веков – XIX и XX – понятие «политическая философия» и «политическая наука» зачастую использовались в качестве синонимов. Не случайным кажется тот факт, что во второй части своей «Позитивной политики» Конт исследует проблемы, выходящие весьма далеко за рамки собственно политических проблем, как то: семья, язык, религия, собственность, разделение труда и т.д. Исходя из этого, Р.Арон назвал Конта «философом в социологии и социологом в философии»²³. В период второй институционализации западной политической науки, приходящийся примерно на 50-70 гг. XX в., была выдвинута идея о «разрыве традиции» и «смерти политической философии» (Г. Ласлет), который, однако, вскоре был преодолен самим

же автором этого тезиса. Тем не менее в этот период научный способ понимания политики стал основным и продолжает оставаться таковым и сегодня.

2. В XIX - XX вв. развитие современной философии шло в направлении отказа от самого принципа создания универсальных мировоззренческих систем. Вследствие этого философия была раздроблена на множество самостоятельных дисциплин (онтология, гносеология, аксеология и т.д.), каждая из которых, в свою очередь, была раздроблена на автономные теории, в рамках которых стали разрабатываться частные проблемы (времени, пространства, сознания и т.д.). Процесс дробления философии выразился и в появлении различных течений и направлений философии: «антропологическая философия», «лингвистическая философия», «философия культуры», «структурализм», «экзистенциализм», «постмодернизм» и т.д. Всё это множество дисциплин, теорий, направлений и течений современной философии стало рассматриваться не как взаимосвязанные «элементы» единой системы философского знания, как, скажем, это было осуществлено в философской системе Гегеля, а как альтернатива целостной философской (мировоззренческой) рефлексии²⁴.

Полагаю, что триумф либерального мышления, а современный мир (особенно в западной своей части) всё ещё представляет собой арену господства именно этого типа мышления, является результатом логического завершения отмеченных двух тенденций. Логикой собственного развития, приведшей к утверждению либерально-демократических режимов, рыночной экономики, прав человека, либерализм (как политико-философское направление), по существу, оказался «свободен» от философии. В конце концов, триумф свободной от философии мысли, проблематизировал само существование философии и политической философии в системе современной культуры. Но может ли наука (и прежде всего политическая наука как часть этой системы) и культура в целом сохранить свою жизнеспособность без «услуг» философии?

Ответом на поставленный вопрос может послужить определение границ возможного для современной политической науки.

1. Наблюдаемая в современной политической науке и в западном, и в российском своих вариантах тенденция специализации, а по сути фрагментации, вызвала к жизни длинный перечень дисциплин (политическая конфликтология, политическая социология, политическая лингвистика, политическая семиотика, политическая информатика, политическая глобалистика, политическая антропология, политическая регионалистика, политическая психология, политическая этика, политическая культура, политическая идеология, политическая теория, политическая модернизация, транзитология, геополитика, этнополитология, сравнительная политика, международная политика и т.д.), создающих иллюзию самодостаточности политической науки. Однако, добываемое в рамках каждой из перечисленных дисциплин знание носит рецептурный характер и в силу этого не обладает необходимыми для научного знания качествами и прежде всего эвристическим потенциалом.

2. В политической науке применяется целый набор подходов: бихевиоральный, структурно-функциональный, сетевой, кибернетический и других, возникших на определённой социально-философской и политико-философской основе. Очевидно, что эффективное использование указанных подходов предполагает достаточно высокую философскую (эпистемологическую) культуру исследователя. Последняя необходима также и для выработки новых методологических подходов, без которых невозможно развитие науки вообще и политической науки в частности.

3. Одним из аспектов развития политической науки является разработка проблем на стыке наук: политическая наука и экономика, политическая наука и право, политическая наука и история, политическая наука и управление, политическая наука и этнология и т.д. Проведение подобных разработок возможно лишь в поле напряжения «философия-политическая наука-экономика», «философия-политическая наука-право», «философия-политическая наука-история», «политическая наука-философия-управление», «философия-политическая наука-этнология», поскольку философии, как одной из высших проявлений мышления, присуща системность, позволяющей быть способом интеграции, связи и взаимодействия между весьма далеко разошедшимися частями современной науки и культуры.

4. Актуальная политика стоит перед рядом ключевых проблем, не разрешаемых в рамках ценностно-нейтральной политической науки. Одной из таких проблем является поиск общественно-исторических инвариантов, предполагающих не интерпретацию отдельных учений или разработку конкретных концепций, а осмысление глубинных оснований, природы тех явлений и процессов, которые характерны для современной политической ситуации, проекциями которых являются сами эти учения и концепции. Отсутствие подобной направленности политических исследований привело к тому, что мир вошел в треть

тысячелетие без теории будущего. А это означает, что человечество не обладает общей стратегией развития и выживания. Нужно полагать, что приоритетной задачей политической науки должно стать восполнение того идейного вакуума, который образовался на рубеже XX–XXI веков, а именно: разработка новой теории будущего, сам факт отсутствия которой уже является серьезной научной, да и не только научной, проблемой.

Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как следствие наблюдавшегося в течение II половины XX века отказа от «утопического» мышления. В силу развития и углубления постмодернистских тенденций ставшая расхожей мысль о том, что «наше время избавилось от утопий», правомерно лишь в том смысле, что наше время избавилось от прежних утопий («теория коммунизма», «теория Третьего рейха», «теория конца истории» и др.), которые изжили и /или не оправдали себя. Но, как и любая другая эпоха, наша эпоха нуждается в новых утопиях, формулировках идеалов, выявлении условий возможности и желательности которых реализуемо лишь с помощью ценностных форм сознания и в первую очередь – философии.

Другим аспектом рассматриваемой проблемы является деидеологизация общественной практики, сознания, науки. Первой была «разжалована» философия (и политическая философия как часть ее), что объясняется отождествлением философии с идеологией, «аннулированной» в недавнем прошлом в силу известных причин. Здесь важно подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, идеология является не единственной, а лишь одной из проявлений (ипостасей) философии, в то время как политическая идеология представляет собой одно из измерений политической философии. Во-вторых, идеологическая функция в общественных науках неизбежна. В силу этого оказывается принципиально невозможным обеспечение «чисто научного» подхода к общественным явлениям. В-третьих, деидеологизация выступала в качестве необходимого условия формирования демократического государства. Между тем идея мессианского распространения «демократий», зачастую даже посредством военной силы, вкупе с кризисом социалистической идеи и левой альтернативы в целом, политическое и идеологическое контрнаступление консерватизма в союзе с неореализмом создает на планете духовную атмосферу, отнюдь не способствующую усилению научного компонента политической науки.

Философское и политико-философское мышление по природе своей утопично и идеологично. Дело в том, что человеку изначально присуще стремление к осмыслению собственного бытия. Это проявляется в том, что в своей жизнедеятельности человек ориентируется осознанными целями и создает представления о должном и желаемом. Этим объясняется исключительно человеческая способность развиваться и иметь историю. По существу, историческое бытие человека обусловлено его самосознанием: в каждую историческую эпоху оно предопределяет степень духовного развития человека, а также условия его реальной жизни. Философия призвана осмыслить жизнь человека с точки зрения духа. Она включает в себе возможность самосознания человека и, следовательно, формирование идеалов и определение перспектив. Философия выдвигает всегда актуальные для существования человека вопросы (о сущности и цели человеческой жизни, месте человека и гарантиях его выживания в изменяющемся мире), которые, в конечном счете, предопределяют границы его познавательной и практической деятельности, обуславливают отношение человека к социальной действительности, представляя тем самым мировоззренческую основу интерпретации этой действительности. Имея привилегию создания целостного образа социального мира и соответствующей интерпретации социальной действительности, философия тем самым выступает как идеология.

С этой точки зрения кажется закономерным то обстоятельство, что философия «способна» не только сохранить свой статус универсального метода выявления духовно-нравственного смысла человеческого существования, но и приобретать жизненно важное значение в кризисные этапы истории. Отмеченное особенно относится к нашему времени, которое в современных концепциях определяется как эпоха кризиса человеческого сознания и кризиса массового самосознания. Сегодня, как никогда, необходимо создание целостного смыслового образа социальной действительности, что сделает возможным определение исторической перспективы человека, что, собственно, и является сокровенным смыслом культуры. Последнее представляет собой некое органическое единство, элементы которой связаны одним основополагающим принципом и выражают одну, по сути, духовную, ценность. Наблюдаемый же в современном обществе спад духовности, обусловленный потребительским отношением человека к жизни, трансформирует духовную сущность человека, тем самым ставя под угрозу его антропологическую идентичность.

Философия, таким образом, задает идеальные параметры культуры, очерчивая границы (возможные и/или желаемые) познания и практики. Справедливость данного тезиса

подтверждается тенденциями развития не только политической науки, что было отмечено выше, но и современной «большой» – постнеклассической науки, начало формированию которой было положено IV научной революцией (последняя треть XX в.).

Философия в единстве своих двух начал – научно-теоретическом и практически-духовном – пронизывает все современное естествознание. В последнем задействованы все функции философии – онтологическая, гносеологическая, аксеологическая, мировоззренческая, методологическая и т. д. Всё явственней становится осознание необходимости формирования целостного, универсального (в современной терминологии – глобального) взгляда на мир. Одним из проявлений осознания такой необходимости является все усиливающаяся тенденция сближения естествознания и гуманитаристики, методологии естественных и социальных наук. но сближение это происходит уже на совершенно иной основе. В естествознании все чаще используются внерациональные способы познания, все глубже становится потребность связи знания с ценностно-целевыми структурами, все распространённой становится убеждение в слабости европейского рационализма и его методов и в необходимости обращения к восточному мышлению и его методам. Эту тенденцию предвосхитил ещё В. Вернадский: «Едва ли можно сомневаться, – утверждал он, – что выдержавшая тысячелетие, оставшись живой, слившись с единой мировой наукой, мудрость и мораль конфуцианства скажется глубоко в ходе мирового научного мышления, так как этим путём в него входит круг новых лиц более глубокой научной традиции, чем западноевропейской цивилизация»²⁵. Естественным следствием подобного состояния дел считаю то обстоятельство, что в современной мировой научной литературе ведутся серьёзные дискуссии по теме «Запад – Восток». Проблематика, обсуждаемая в рамках этих дискуссий, актуальна для всей современной науки: от современной космологии и синергетики до политологии и правоведения.

¹ Кармин А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии.- М.: 2006, № 2. С. 23.

² Ռ. Միրումյան, Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ. Մերփարսիական տեսակյուններ. - Երևան: □□□□□□ □□□□□□, 2003, 5-16, 149-232 էջերը:

³ См.: Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. - М.: Наука. 1991. С. 38-42.

⁴ По сравнению с античностью эпоха средневековья выявляет новые аспекты в осмыслении человеком своего места в мире и отношения к Богу. В отличие от греко-латинского натурализма, христианство выдвигает идею трансцендентности Бога и помещает его не просто вне видимой природы, но и над ней. Таким образом, и человек, и природа оказываются сопричастными Богу. На основе этой идеи в средневековье формируется принципиально иной духовный климат, отражением которого становятся радикальные изменения в политическом мышлении эпохи.

Наиболее значительное влияние на формирование средневековой политической философии оказала идея универсализма совершенно нового типа, идея единства человеческого рода, отражающего единство божественной сущности, и идея дуализма духовного и земного. На основе этих идей были переосмыслены основные принципы античной политической философии.

Идея единства человечества была родственна и античной мысли. Аристотель, например, сформулировал идею единства полиса: человек создан для жизни в обществе – полисе, воплощающем единство всей жизни в институциональном отношении. Варвары и рабы остались вне полиса. Идея единства человечества в дальнейшем была развита в философии стоиков, трансформирована Цицероном, Сенекой, Марком Аврелием. Для Цицерона и Сенеки человеческое сообщество представляет собой некое единое целое, все части которого связаны законом, одновременно естественным и божественным, гармонией и солидарностью. Именно гармония превращает весь мир в единый космополис, где человеческая воля ничего не может предпринять. Целью философии является осмысление того, что есть человек как гражданин полиса, не им созданного. Христианская идея единства человеческого рода предполагала единство всех людей перед Богом. Принципом нового единства выступал Бог, единый в своей сущности, предшествующий всему многообразию мира и высший по отношению к нему, исток и цель каждого конкретного индивида, дающий свой закон всем и вся.

В силу этого в политической философии произошли определённые терминологические изменения. Политическая философия стала оперировать уже не понятием polis (античный город-государство) или res publica (по Цицерону – римская форма государственности), а civitas

- община, представляющая собой не национальное и даже не интернациональное объединение, но сообщество людей, объединенных своей верой.

Идея разделения духовного бытия человека и его бытия земного в политической плоскости приобретает вид разделения между властью политической и властью божественной. В античной и греко-римской традиции политическая власть не знала никаких разделений. Обе власти отражали сущностную двойственность человеческой природы, при этом традиционное разделение индивида на человека и гражданина трансформируется в раздвоенность его как гражданина и христианина. Естественное право – одна из центральных категорий античной мысли – в христианстве получает свою институциональную опору через Церковь и в качестве производной права божественного (см.: Фёдорова М. Классическая политическая философия. – М.: Весь мир, 2001. С. 39-43).

⁵ См.: Гаджиев К. С. Политическая философия. – М.: Экономика, 1999. С. 10.

⁶ Гаджиев имеет в виду одного из выдающихся представителей американской политической науки Дж. Кэтлина, называющего Сократа «крёстным отцом» западной политической философии (см.: Catlin D. The Story of Political Philosophers. – N. Y. and L.: 1939. P.33), английского политолога Н. Бэрри, считавшего государство Платона «самым первым и самым известным систематическим трактатом по политической философии» (см.: Barry N. An Introduction to Modern Political Theory. – L: 1982. P. 110), Ш. Уоллина, утверждающего, что «именно грекам мы обязаны за изобретение политической философии и за демаркацию политической по своей природе сферы» (см.: Wolin Sh. Politics and Vision. – Boston: 1960. P. 28). В данном контексте он представляет также позицию К. Поппера, согласно которому Платон «был социологом именно в том смысле, в каком понимали термин «социология» Конт, Милль и Спенсер» (см.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: 1992. С. 67). Наиболее крупным современным политическим философом, последовательно отстаивавшим и обосновывавшим тезис о древнем происхождении политической философии, Гаджиев справедливо считает Л. Штрауса (см.: Л. Штраус. Введение в политическую философию. М.: 2000. С. 51-65).

⁷ См.: Гаджиев К. С. Указ. раб. С. 9.

⁸ См.: там же. С. 83-104.

⁹ На основе предложенной Аристотелем классификации наук Давид Анахт (V–VI вв.) выдвинул свою систему наук, охватывающую всё теоретическое знание своей эпохи. Система наук Давида формируется вокруг дефиниции философии и применительно к её дифференциации и систематизации. По мысли Давида, «из шести определений философии, которая имеет два вида – теоретический и практический, некоторые относятся к теоретической части философии, некоторые – к практической и некоторые – к обеим частям. Так, два определения.., которые говорят, что философия есть наука о божественных и человеческих вещах, и одно определение, которое говорит, что философия есть искусство искусств и наука наук, относится к теоретической части философии. А одно определение.., которое говорит, что философия есть забота о смерти, и другое определение.., которое говорит, что философия есть любовь к мудрости, относится к практической части. Определение же по далекой цели, которое говорит, что философия есть уподобление богу в меру человеческих возможностей, относится к обеим частям» (Давид Анахт. Определения философии □□ Сочинения. – М.: Мысль, 1980. С.99.). Классификация наук Анахта представляет собой многоступенчатую систему, низшую ступень которой составляют науки тривиума (грамматика, риторика, логика или диалектика в древнем понимании). Логика является составной частью философии и вместе с тем ее орудием. Именно через логику науки тривиума связываются с науками квадриума, то есть с собственно философской наукой, подразделяющейся на высшую формальную логику, теоретическую (естествознание (т.е. физика), математика (арифметика, музыка, геометрия, астрономия), теология (т.е. метафизика) и практическую (этика, экономика, политика) философию.

¹⁰ Аристотель. Метафизика □□ Сочинения в четырёх томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. С. 182.

¹¹ Подтверждением этому является, к примеру, определение философии Л. Штрауса: «Философия, как поиск мудрости, есть поиск универсального знания, знания о целом. Этот поиск не был бы необходимым, если бы мы обладали этим знанием непосредственно. Между тем отсутствие знания о целом не означает, что люди не думают о нём: мнения о целом обязательно предшествуют философии. Следовательно, философия – это попытка заменить мнения о целом знанием. Вместо «целого» философы также говорят «все вещи»... Поиск знания обо «всех вещах» означает поиск знания о Боге, мире и человеке – или, скорее, поиск знания о природе всех вещей: природа в своей всеобъемлющей целокупности являет собой целое» (Л. Штраус. Указ. раб. С. 10). В российской философской науке распространено следующее определение философии: «Философия – это система взглядов на

мир в целом и на отношение человека к этому миру». Предметом таким образом понимаемой философии служит «всеобщее в системе мир – человек» (Алексеев П.В., А.В. Панин А.В. Философия. – М.: Проспект, 2005. С. 50-51).

¹² Гаджиев К.С. Указ. раб. С. 6.

¹³ Бенетон Филипп. Введение в политическую науку. – М.: Весь мир, 2002. С. 11.

¹⁴ Подобная логика чревата лишением и самой науки какой-либо значимости. Не случайным кажется тот факт, что в современной эпистемологии сформировалось течение (хотя не очень влиятельное даже в рамках гуманитарных наук), подчиняющее науку историческому релятивизму (Т. Кун, П. Фейерабенд, Д. Блур, К. Хюбнер и др.).

¹⁵ Мотрошилова Н.В. Указ. раб. С.62.

¹⁶ Устинова Ю.Б. Частные культовые сообщества у греков (Аттика VI–IV вв. до н.э.) □□ Быт и история в античности. – М.: 1988. С.192.

¹⁷ См.: Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. С.422.

¹⁸ Аристотель. Политика □□ Сочинения в четырёх томах. Т.4.- М.: Мысль, 1984.С.467.

¹⁹ Аристотель. Никомахова этика □□ Сочинения в четырёх томах. Т.4. С.54-55.

²⁰ См.: Гаджиев К. Указ. раб. С.85.

²¹ Там же. С.86.

²² Бенетон Филипп. Указ. раб. С. 108.

²³ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: 1993. С. 121.

²⁴ См.: Каган М. С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. – М.: 1997, N 9. С. 38-39.

²⁵ Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: 1997. С. 398.